

Предисловие «Полки»

*Цикл рассказов о чувственной любви и о России,
утраченной навсегда. Лучшая, по мнению самого
Булнина, его книга шокировала современников
и стала золотым стандартом русской
литературной эротики.*

Варвара Бабицкая

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

По словам Бунина, «все рассказы этой книги только о любви, о ее “темных” и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях». Сюжет всех рассказов, за редкими исключениями, строится вокруг встречи мужчины и женщины — будь то первая любовь, оказавшаяся вечной, мимолетное дорожное приключение, адюльтер, неожиданная поздняя любовь, свидание с проституткой, первое эротическое впечатление гимназиста или изнасилование кухарки. В этой главной теме концентрируются размышления писателя о жизни, смерти, русской природе и классической русской литературе. С почти научной дотошностью исследуя равно пейзаж, женское тело и природу влечения, Бунин одновременно пишет энциклопедию сгнувшей русской идиллии и ищет место своему творчеству в русском литературном каноне.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Рассказы цикла написаны в 1937–1945 годах: первый — «Кавказ» — был написан 12 ноября 1937 года, последний —

«Качели» — 10 апреля 1945 года. Позднее к циклу были добавлены «Весной, в Иудее» (1946) и «Ночлег» (1949). Бунин живет в это время в прованском городе Грасе, на вилле «Жаннет», куда он бежал из оккупированного немцами Парижа в 1940 году и где прожил всю войну.

К тому времени денежная часть Нобелевской премии была потрачена и роздана, а на предложения писать для изданий, выходивших на оккупированных землях, Бунин отвечал отказом. Бунины и их домашние голодали. Вилла пришла в упадок — не работало отопление, начались перебои с водой и электричеством.

Как писал Михаил Осоргин*¹ Борису Зайцеву 6 февраля 1942 года: «Грасский лауреат живет плохо, уверяет, что пропадает с голоду со всем своим двором. <...> Писал он за это время рассказы на соблазнительные темы, будто бы хорошие»¹. Сам Бунин описывал этот период так: «Плохо мы живем в Грасе, очень плохо. Ну, картошку мерзлую едим. Или водичку, в которой плавает что-то мерзкое, морковка какая-нибудь. Это называется супом... Живем мы коммуной. Шесть человек. И ни у кого гроша нет за душой. <...> Один вот приехал к нам

*¹ Михаил Андреевич Осоргин (настоящая фамилия — Ильин; 1878–1942) — писатель. В 1904 году вступил в партию эсеров, участвовал в московском вооруженном восстании 1905 года. После ареста эмигрировал, жил в Италии. Вернулся в Россию в 1916 году. После Октябрьской революции неоднократно подвергался арестам. В 1922 году был выслан из СССР на «философском пароходе». За границей написал свой самый известный роман «Сивцев Вражек», среди других работ — сборник очерков «Происшествия зеленого мира», «Заметки старого книгоеда», роман «Вольный каменщик». Был одним из руководителей русских масонских лож во Франции.

погостить денька на два... Было это три года тому назад. С тех пор вот и живет, гостит. Да и уходить ему, по правде говоря, некуда: еврей. Не могу же я его выставить...»² Отношения в бунинской «коммуне» были напряженными: во время войны к ним вернулась Галина Кузнецова, прежняя возлюбленная Бунина, которая за несколько лет перед тем оставила писателя ради оперной певицы Маргариты Степун, но в войну вместе с нею нашла приют в Гресе.

Жена писателя Вера Муромцева-Булнина писала, что рассказы «Темных аллей» появились «отчасти потому, что хотелось уйти во время войны в другой мир, где не льется кровь, где не сжигают живьем и так далее. Мы все были заняты писанием, и это помогало переносить непереносимое»³. Сам Бунин позднее надписал экземпляр «Аллей», подаренный Зинаиде Шаховской: «“Декамерон” написан был во время чумы. “Темные аллей” в годы Гитлера и Сталина — когда они старались пожрать один другого».

КАК ОНА НАПИСАНА?

По свидетельству своей жены, Бунин «считал эту книгу самой совершенной по мастерству»⁴. В «Темных аллеях» до предела оттачивается характерная бунинская техника повествования. Исследователи часто отмечают у Бунина тесную связь между языком прозы и поэзии⁵. Это выражается в использовании

музыкальных средств языка (по воспоминаниям Веры Муромцевой, писатель считал, что в «Темных аллеях» «каждый рассказ написан “своим ритмом”, в своем ключе»⁶), в лирическом способе передачи психического состояния героев через образы чувственного восприятия — визуального, тактильного, обонятельного, слухового, через выразительные детали все того же осязаемого мира, например через пейзаж. В «Темных аллеях» невероятно богат лексикон звуков, запахов, особенно цвета: «синевато-меловой», «черно-зеркальный», «разноцветно-яркий». Такие же неожиданные словосочетания Бунин находит для точного описания звуков: соловей поет у него «старательно», лягушки «дремотно журчат», гармонь «рычит». То же — в передаче эмоций: «безнадежно-счастливый», «блаженно-смертная».

Характернейшая черта бунинского стиля — развернутые сравнения и неожиданные метафоры («плотная, как рыба, девка», «галки, похожие на монашенок») или странные сочетания иногда логически несовместимых слов, которые воздействуют на воображение читателя, рождая неожиданные образы («спрашивая всем черным раскрытием глаз и ресниц», «отдыхает от тайной внимательности к тому, как мы... говорим, переглядываемся», «красно чернели жесткие волосы», «унизан щебетом», «во все глаза ждет меня»).

Сюжет рассказов, как правило, динамичен: чаще всего автор в первых

Станислав Жуковский. Бессонная ночь. Светает. 1903 год

строках коротко указывает время и место действия, намечает возраст, профессию или социальное положение героя, иногда нет и того. Читатель оказывается погружен непосредственно в субъективный мир героя, переживающего или вспоминающего любовную встречу. «Кавказ», например, начинается как будто с полужазы: «Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею».

В жанровом отношении «Темные аллеи» неоднородны — от рассказов, новелл и даже «маленького романа», как определял сам писатель жанр своей

«Натали», до коротких сценок, анекдотов и чего-то вроде «стихотворений в прозе».

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

И сам Бунин, и его исследователи называли множество претекстов к «Темным аллеям» — от «Декамерона» Боккаччо, пушкинского «Пира во время чумы», «Песни песней» («Весной, в Иудее»), «Новой жизни» Данте («Качели») и лирики Петрарки до русских сказок, «Повести о Петре и Февронии» и всей русской литературной традиции. В ряде случаев претексты указаны прямо — начиная с названия цикла и одноименного

рассказа, который, по воспоминаниям Бунина, родился при перечитывании стихов Николая Огарева^{*1}: «Почему-то представилось то, чем начинается мой рассказ, — осень, ненастье, большая дорога, тарантас, в нем старый военный... Остальное все как-то само собой сложилось, выдумалось очень легко, неожиданно». Другие рассказы цикла вырастают вокруг стихов Якова Полонского^{*2} («В одной знакомой улице») или Афанасия Фета («Холодная осень»). «Мертвые души» Гоголя подарили Бунину замысел «Натали» («Мне как-то пришло в голову: вот Гоголь выдумал Чичикова, который ездит и скупает “мертвые души”, и так не выдумать ли мне молодого человека, который поехал на поиски любовных приключений? И сперва я думал, что это будет ряд довольно забавных историй. А вышло совсем, совсем другое»). За всеми усадебными декорациями бунинских рассказов мерцает проза Тургенева, которую Бунин перечитывал в годы работы над «Темными аллеями», — результаты

такого перечитывания наиболее заметны в «Русе» (тургеневские «Фауст» и «Вешние воды»), в «Чистом понедельнике» («Дворянское гнездо»). «Генрих» — своеобразная реплика на «Весну в Фиальте» Владимира Набокова, бунинского ученика, а затем литературного соперника.

Главными бунинскими учителями можно с полным основанием назвать Льва Толстого и Антона Чехова (обоих Бунин знал в юности, а в дальнейшем написал книги об их творчестве). Следы толстовской интроспекции можно найти в рассказе «Начало», который повествует о потере невинности — но не физической, а скорее духовной. Толстовские «Дьявол», «Отец Сергей» и «Крейцеров соната» — очевидный фон бунинских размышлений о проблемах пола. Рассказы Чехова — например, «Дама с собачкой» и «Дуэль» — составляют литературный фон «Кавказа». «Мадрид» — рассказ о молодой проститутке — можно рассматривать как ироническую отсылку к проблематике Куприна.

^{*1} Николай Платонович Огарев (1813–1877) — поэт, публицист, революционер. В 1834 году был арестован за организацию вместе с Герценом революционного кружка и отправлен в ссылку в Пензенскую губернию. В 1856 году вышел первый сборник стихов Огарева, в этом же году поэт эмигрировал в Великобританию, где вместе с Герценом возглавил Вольную русскую типографию и издавал журнал «Колокол». Был одним из создателей организации «Земля и воля», развивал идею крестьянской революции.

^{*2} Яков Петрович Полонский (1819–1898) — поэт. Служил в Комитете иностранной цензуры и Совете главного управления по делам печати. С 1860 года устраивал «пятницы» Полонского — встречи с учеными и деятелями культуры. Автор поэтических сборников «Гаммы» (1844), «Стихотворения 1845 года», «Сазандар» (1849), сборника рассказов (1859), романов «Признания Сергея Чалыгина» (1867), «Женитьба Атуева» (1869), «Дешевый город» (1879).

Откровенность и натурализм, с которым Бунин описывает физическую любовь, коренятся скорее не в русской традиции (в которой до Бунина не было, как сетовал писатель, своего «Любовника леди Чаттерлей»^{*1}), а в западной литературе. Это прежде всего Мопассан, которого герои «Темных аллей» не выпускают из рук, Флобер, Бальзак, новеллы Проспера Мериме (его «Локис» сказался в «Железной Шерсти»).

Литература и литературный быт модернизма — что-то вроде антивлияния: с ними Бунин полемизирует и выясняет отношения, прежде всего в «Чистом недельнике».

Наконец, важный претекст книги — более раннее творчество самого Бунина («Жизнь Арсеньева», «Солнечный удар» и др.), который склонен был рассматривать русский литературный канон как завершённый корпус текстов, куда включал и собственные произведения, апеллируя скорее не к конкретным классическим произведениям, а ко всей традиции русской литературы.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Рассказы будущей книги появлялись в эмигрантской периодике постепенно. Так, например, «Кавказ» впервые был опубликован в парижской газете «Последние новости» уже в 1937 году, там же в 1938–1939 годах появились ещё шесть рассказов; «Руся» и «В Париже» вышли в январе 1942 года в первом номере «Нового журнала» — эмигрантского издания, созданного Марком Алдановым и Михаилом Цетлиным^{*2} при участии Бунина (впоследствии в этом журнале впервые будут напечатаны главы из «Доктора Живаго» и «Колымские рассказы» Шаламова). Рассказы цикла выходили и в других эмигрантских изданиях.

Бунин решил издать рассказы сборником в Америке, голодая и отчаянно нуждаясь в деньгах, и предложил уехавшему в США Андрею Седых^{*3} для издания книгу, включавшую тогда всего 11 рассказов, созданных в 1937–1942 годы. «Темные аллеи» впервые вышли на русском

^{*1} Роман английского писателя Дэвида Лоуренса, опубликованный в 1928 году. Из-за откровенных сексуальных сцен был запрещен в Великобритании вплоть до 1960 года.

^{*2} Михаил Осипович Цетлин (1882–1945) — поэт, редактор, меценат. Участвовал в революционных событиях 1905–1907 годов, состоял в партии эсеров. Опасаясь ареста, сбежал за границу. Там организовал издательство «Зерна». После Февральской революции вернулся в Россию, но уже в 1918 году снова эмигрировал. В Париже основал журнал «Окно», был редактором поэтического раздела в журнале «Современные записки». Поддерживал многих нуждающихся русских эмигрантов. В 1942 году переехал в США, где совместно с Марком Алдановым основал «Новый журнал». Автор пяти книг стихов, воспоминаний о Максимилиане Волошине, книг о декабристах и композиторах «Могучей кучки».

^{*3} Андрей Седых (настоящее имя — Яков Моисеевич Цвибак; 1902–1994) — журналист, литератор. Эмигрировал в 1919 году. Работал в парижских «Последних новостях». Автор

языке в 1943 году тиражом 600 экземпляров в нью-йоркском издательстве «Новая земля», специально созданном Седых ради этого проекта. После войны появился и английский перевод. Второе издание вышло в 1946 году в Париже: сборник был значительно расширен и включал уже тридцать восемь новелл, хотя оттуда был исключен автором рассказ «Апрель». Позднее в это издание Бунин внес рукописные исправления и написал: «В конце этой книги (следуя хронологии) надо прибавить “Весной, в Иудее” и “Ночлег”», оконченные после 1946 года.

В СССР «Темные аллеи» были напечатаны только в оттепель, причем сперва с купюрами: первое нецензурированное издание — Собрание сочинений в восьми томах (М.: Московский рабочий, 1993–2000). Каноническим вариантом «Темных аллей» принято считать издание 1946 года, которое Бунин подготавливал к печати.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

«Темные аллеи» вызвали в эмигрантской среде неоднозначную реакцию — как отмечал в статье «Еще о Бунине» Георгий Адамович: «...В печати отзывы

были, как обычно, одобрительные, даже восторженные: кто же в самом деле, кроме людей, литературе чуждых, отважился бы Бунина на склоне его лет бранить? Но “устная пресса” была несколько другая». Адамович горячо вступает за Бунина, сравнивая его книгу с «Пиром» Платона: по мнению критика, в своей поздней прозе писатель всматривается «в источник и корень бытия, оставив его оболочку», а от «Темных аллей» веет счастьем — «она проникнута благодарностью к жизни, к миру, в котором при всех его несовершенствах счастье это бывает»⁷.

Необходимость такого заступничества объяснима: многих читателей «Темные аллеи» шокировали. Иван Шмелев считал книгу недостойной бунинского таланта и миссии русского писателя — рассказы он назвал «паскудографией» и «голотой», выражением «старческой похотливости» и посвятил им следующий стихотворный пассаж:

*Тут инстинкт-то вон какой:
Родовой да половой...
Избежим такого «рейда»:
Почитай о сем у Фрейда...
Помни, помни: «не суди...»
Оттошнись — и прочь иди.*

сборников эссе «Старый Париж», «Париж ночью», «Там, где была Россия». В 1933 году стал литературным секретарем Ивана Бунина. В 1942 году переехал в США, где начал работу в «Новом русском слове». Выпустил книгу воспоминаний «Дорога через океан», сборник рассказов «Звездочеты с Босфора», «Сумасшедший шарманщик», роман «Только о людях», мемуары «Далекие, близкие». Участвовал в борьбе за независимость Израиля. С 1973 года — главный редактор газеты «Новое русское слово».

Бунина глубоко оскорбляло такое отношение. «Я считаю “Темные аллеи” лучшим, что я написал, а они, идиоты, считают, что я ими опозорил свои седины... Не понимают, фарисеи, что это новое слово в искусстве, новый подход к жизни», — жаловался он Ирине Одоевцевой^{*1}, а в 1952 году писал Федору Степуну: «Жаль, что вы написали, что в “Темных аллеях” есть некоторый избыток рассматривания женских прелестительностей... Какой там “избыток”? Я дал только тысячную долю того, как мужчины всех племен и народов “рассматривают” всюду, всегда женщин со своего десятилетнего возраста и до 90 лет».

Благосклоннее оказалась западная пресса: после выхода английского перевода «Темных аллей» лондонская *The Times* писала: «Как основные моменты, так и житейские детали прошлого он дает с такими остротой и мастерством, что порой окружающая ныне жизнь кажется, в сравнении с им описываемым, ужасающе невыразительной. <...> Автор умеет внести благородство, широту видения и непреходящую значимость в то, что иначе бы выглядело всего лишь обыкновенной любовной историей»⁸.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

В СССР Бунин был писателем неподцензурным — об этом красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что в 1943 году Варлам Шаламов, будущий автор «Колымских рассказов», получил в лагере новый 10-летний срок за то, что посмел назвать Бунина великим писателем. Правда, после войны советское правительство, пытаясь примириться с нобелевским лауреатом, обещало издать его на родине впервые с 1928 года, но этого так и не произошло.

В школьные и университетские хрестоматии просачивались разве что отдельные бунинские стихи «про природу». Советское литературоведение обходило вниманием его прозу, рассматривая только те произведения, которые можно было подверстать под концепцию «критического реализма», — «Господин из Сан-Франциско», где автор якобы обличал «язвы капитализма», «Антоновские яблоки», посвященные «ностальгическому» описанию «угасающих дворянских гнезд», и некоторые «деревенские» повести Бунина («Суходол», «Деревня»), где Бунин якобы показал «разложение капиталистического уклада в деревне». Ни «Жизнь Арсеньева»,

^{*1} Ирина Владимировна Одоевцева (настоящее имя — Ираида Густавовна Гейнике; 1895–1990) — писательница и поэтесса. Была участницей «Цеха поэтов», ученицей Николая Гумилева. В 1921 году вышла замуж за Георгия Иванова, затем эмигрировала, жила с мужем в Париже. Написала книги воспоминаний «На берегах Невы» и «На берегах Сены». После смерти Иванова вышла замуж за писателя Якова Горбова. В 1987 году вернулась в СССР.

ни «Темные аллеи» не были известны советскому читателю до самой оттепели.

В 1965–1967 годах вышло самое полное советское собрание сочинений Бунина — девятитомник, пробитый в верхах лично Александром Твардовским. Туда не были включены некоторые совсем крамольные вещи, в первую очередь «Окаянные дни»^{*1}, было много цензурных искажений (Твардовский, в частности, настоял на сохранении знака усеечения текста — <...> — в местах купюр, вопреки обычной советской издательской практике, указав таким образом на самый факт цензуры), но именно там появились впервые в СССР «Жизнь Арсеньева» и некоторые рассказы из цикла «Темные аллеи». После этого началась постепенная литературная реабилитация Бунина: важной вехой в ней стал калужский сборник «Тарусские страницы» (1961), включавший очерк Константина Паустовского «Иван Бунин», где Бунин был назван автором «блестящих, совершенно классических рассказов» и «первоклассным поэтом». Впрочем, сборник был признан «политической ошибкой», издатели получили выговор «за утрату бдительности» по партийной линии и были отстранены от работы.

Столетний юбилей Бунина в 1970 году был уже отмечен рядом важных публикаций: в юбилейном томе «Литературно-

го наследства»⁹ (вышедшем в 1973 году) советские писатели наконец отдали Бунину должное, назвав его «вершиной, выше которой никому не подняться» (Сергей Воронин) и «самым могучим, самым прекрасным русским писателем» (Юрий Казаков), причем в числе лучших бунинских книг многие называли «Темные аллеи».

С наступлением бума «возвращенной литературы» 1986–1990 годов в России вышло свыше 40 отдельных изданий его произведений (больше, чем за предшествующие 70 лет). Тем не менее полного собрания сочинений Бунина не существует до сих пор.

ПОЧЕМУ ЛЮБОВЬ У БУНИНА ВСЕГДА ПЛОХО ЗАКАНЧИВАЕТСЯ?

Бунин, почти полвека проживший во взаимной любви со своей женой Верой Муромцевой, полностью посвятившей себя его интересам, любил повторять чей-то афоризм, что «легче умереть за женщину, чем жить с ней». Любовное счастье в «Темных аллеях» всегда краткосрочно, хотя нередко определяет всю дальнейшую жизнь героя.

Каждый третий рассказ в «Темных аллеях» имеет трагическую развязку.

^{*1} Дневниковая книга Ивана Бунина об эпохе революции и Гражданской войны. Была опубликована в 1925–1937 годах в эмигрантской газете «Возрождение». Бунин оценивал революцию как национальную катастрофу, поэтому в СССР «Окаянные дни» были запрещены, впервые книга была напечатана только в перестройку.

Иногда гибель героев происходит прямо на почве любовного аффекта, как самоубийство («Кавказ», «Зойка и Валерия», «Галя Ганская», «Железная Шерсть»), убийство из ревности («Генрих», «Дубки», «Пароход “Саратов”»), случайное убийство проститутки («Барышня Клара»). Иногда трагический исход предопределен самой русской историей — герои гибнут на Первой мировой («Холодная осень»), их разлучают революция и эмиграция («Таня»). Однако иногда для смерти или расставания нет никаких сюжетных предпосылок — и все же они неизбежны.

Самый знаменитый пример — «Натали», история любви, прошедшей через годы, со своеобразным фальшфиналом. Главный герой Мещерский, в юности упустивший свою истинную любовь из-за плотской интрижки, наконец воссоединяется с овдовевшей Натали. Чтобы убедить читателя в реальности счастливой развязки, автор добавляет ей драматическую ноту. Мещерский, приживший ребенка с дворовой девочкой, не может жениться на Натали — и героиня согласна на такое неполное счастье: «И вот ты опять со мной и уже навсегда. Но даже видеться мы будем редко — разве могу я, твоя тайная жена, стать твоей явной для всех любовницей?» Однако этой жертвы автору мало — следующей же и последней фразой он хоронит свою героиню: «В декабре она умерла на Женевском озере в преждевременных родах». Эта

развязка не убедила Владимира Набокова, который счел «Натали» в композиционном отношении совершенно беспомощной вещью: «Характерно, что они все умирают, ибо все равно, как кончить, а кончить надо»¹⁰. Но в мире «Темных аллей» трагедия закономерна.

В книге «Освобождение Толстого» Бунин цитирует фразу, сказанную ему некогда классиком: «Счастья в жизни нет, есть только зарницы его, — цените их, живите ими»¹¹. Неизвестно, что конкретно подразумевал под «зарницами счастья» яснополянский старец, но на счет Бунина сомнений нет.

По мнению литературоведа Олега Михайлова, влюбленным у Бунина «необходимо расстаться», чтобы «любовь не исчерпала себя, не выдохлась», поэтому, «если этого не делают сами герои, в ход вмешивается судьба, рок, можно сказать, во спасение чувства убивающий кого-то из возлюбленных»¹². Другой исследователь, Юрий Мальцев, полагает, что в «Темных аллеях» «катастрофичность заключена в несовместимости любви с земными буднями. Всевозможные трагические коллизии бунинских рассказов есть лишь выражение этой катастрофичности, внешней (сюжетной) катастрофы могло бы и не быть, и тогда обнаружился бы трагизм самой жизни»¹³.

А следовательно, самые подходящие декорации для любовного свидания — дорога, переходное состояние, в котором весь обыденный уклад